

Волшебная свирѣль.

I.

то была самая обыкновенная свирѣль.

Ее сдѣлалъ изъ бересты маленькій пастушокъ Ваня и съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее сдѣлалъ, онъ каждый день игралъ на ней.

Ваня былъ простой крестьянскій мальчикъ съ чистой и нѣжной душой, весь день проводившій въ полѣ, гдѣ паслось его стадо.

Эта свирѣль, которую онъ самъ смастерилъ себѣ, совершенно походила на всѣ другія свирѣли и ничѣмъ не отличалась отъ нихъ, но пастушокъ Ваня такъ полюбилъ ее, что вложилъ въ нее всю свою душу.

Что онъ игралъ на ней, онъ и самъ не зналъ, но когда онъ игралъ, свирѣль издавала у него нѣжные, чарующіе звуки.

Какъ-то разъ Ваня сидѣлъ по обыкновенію на лугу. Надо сказать, что Ваня былъ круглымъ сироткой, и не было у него никого изъ родныхъ и близкихъ.

И вотъ, въ такую-то минуту однажды къ Ванѣ, въ то время, какъ онъ игралъ на своей свирѣли, явилась добрая фея.

Она видѣла, что у Вани есть доброе, мягкое сердце, что душа его была чиста, какъ вода лѣснаго родника, и ей захотѣлось сдѣлать Ванѣ что-нибудь пріятное.

Никогда не видѣлъ Ваня доброй феи.

Въ деревнѣ, въ которой онъ жилъ, къ нему, къ бѣдному мальчику, всѣ относились съ пренебреженіемъ, и ни отъ кого онъ не слышалъ ласковаго слова.

Свѣтлая и лучезарная, въ воздушныхъ одеждахъ, блестящихъ всѣми цвѣтами, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ, вдругъ появилась передъ нимъ фея добра.

— Дай мнѣ свою свирѣль,—проговорила она.

И ея мягкій, чарующій голосъ вдругъ влился въ сердце мальчика, и Ваня подаль свою свирѣль доброй феѣ.

Своими атласными губами коснулась добрая фея Ваниной свирѣли и вложила въ его свирѣль часть своей души.

Словно очистила она эту свирѣль прикосновеніемъ своихъ нѣжныхъ губъ.

Хотѣлъ что-то сказать Ваня доброй феѣ, да было поздно.

Такъ же неожиданно, какъ появилась она передъ нимъ, лучезарная и свѣтлая, такъ же внезапно и исчезла она, оставивъ въ его рукахъ только свирѣль изъ березки.

Но едва только Ваня поднесъ ее къ своимъ губамъ, какъ тотчасъ же въ его груди что-то дрогнуло.

Ваня заигралъ.

И вдругъ онъ услышалъ, что свирѣль его стала теперь совершенно не той. Дивные мелодичные звуки неслись теперь изъ свирѣли.

Они дрожали въ воздухѣ, плакали и рыдали, заставляли сильнѣе биться сердце.

Что-то особенное было въ этихъ звукахъ.

Все стадо перестало пастись и теперь обернулось къ Ванѣ, покоренное этими чарующими звуками.

Грозный быкъ, который былъ способенъ на всякія злодѣянія, вдругъ тихо понурилъ голову и теперь задумчиво слушалъ дивную игру.

А свирѣль все пѣла и пѣла, и звуки ея неслись широкими волнами по воздуху, покоряя все на своемъ пути.

Эти звуки говорили о любви и счастьѣ, о вольномъ широкомъ просторѣ, о красотѣ жизни и о ласкѣ.

И было что-то могучее и дивно-прекрасное въ этихъ нѣжныхъ звукахъ.

Старый дубъ, росшій на опушкѣ лѣса, несмотря на твердость своего характера, вдругъ какъ-то весь присмирѣлъ и сталъ чутко прислушиваться къ чарующимъ звукамъ.

Притихъ шаловливый вѣтеръ, не шевелясь, стояли травинки, разноцвѣтные цвѣты шире раскрыли свои чашечки, чтобы лучше насладиться этой музыкой и побольше впитать ее въ себя.

А свирѣль все пѣла и пѣла.

II.

Скоро во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ эта свирѣль стала извѣстна всѣмъ.

Многіе люди приходили на поле, чтобы послушать ея чарующее пѣнье, и мало-по-малу про чудесную свирѣль узнали во всемъ царствѣ.

Въ этомъ царствѣ царствовалъ грозный царь Родаманъ.

Дошли слухи и до грознаго царя о чудесной свирѣли Ванюши, и царь Родаманъ приказалъ во что бы то ни стало принести къ себѣ чудесную свирѣль.

Не зналъ царь Родаманъ, что фея добра вдохнула въ нее часть своей души и прикоснулась къ ней своими воздушными губами.

Однажды къ Ванюшѣ пришли богато одѣтые царедворцы и потребовали отъ него, чтобы онъ отдалъ имъ свою свирѣль.

Но лишь только Ваня услышалъ это требованіе, какъ тотчасъ же его охватилъ сильный страхъ.

Обѣими ручками прижалъ онъ къ груди своей чудесную свирѣль и наотрѣзъ отказался отдать ее царедворцамъ.

Попробовали было соблазнить царедворцы Ваню деньгами.

Да не такъ-то легко оказалось это.

— Не надо мнѣ никакихъ денегъ. Я ни за какія деньги не отдамъ этой свирѣли,—сказалъ имъ Ваня.

— Глупый мальчикъ! Вѣдь мы дадимъ тебѣ столько денегъ, что тебѣ никогда уже не придется пасти стадо,—сказалъ одинъ изъ царедворцевъ.—Ты сможешь жить на нихъ безбѣдно всю свою жизнь.

Но Ваня и на это покачалъ отрицательно головой.

— Чго мнѣ ваши деньги!—заплакалъ Ванюша.

Но царедворцы не хотѣли слышать ничего.

Прижалъ къ своей груди Ваня свою волшебную свирѣль, люди силой отняли ее у него, а Ваню при этомъ такъ сильно ударили, что онъ мертвымъ упалъ на землю.

Обрадовался царь Родаманъ, когда принесли къ нему чудесную свирѣль.

Взялъ онъ ее въ руки и попробовалъ заиграть.

Но не зналъ онъ, что фея добра не только вдохнула въ чудесную свирѣль часть своей души, но сдѣлала и еще что-то.

Она сдѣлала свирѣль такою, что дивные звуки изъ нея могъ извлекать лишь тотъ, у кого была кристально чистая душа.

Сколько ни старался царь Родаманъ, сколько ни бился, но въ его рукахъ свирѣль издавала лишь отвратительные, рѣзкіе звуки.

Сильно разгнѣвался царь Родаманъ.

Онъ выругалъ своихъ царедворцевъ, рѣшивъ, что они обманули его и принесли не ту свирѣль, а настоящую волшебную свирѣль украли.

Онъ такъ сильно отшвырнулъ отъ себя волшебную свирѣль, что она далеко отлетѣла отъ него.

Побѣждалъ было поднять ее одинъ изъ царедворцевъ, но такъ и вернулся съ пустыми руками.

Волшебная свирѣль исчезла.

Подивились всѣ этому чуду, понялъ царь Родаманъ, что выпустилъ изъ рукъ волшебную свирѣль, да было уже поздно.

Долго искалъ ее самъ царь и его придворные.

Но свирѣль найти было невозможно.

Да это было и вполне понятно.

Фея добра незримо присутствовала во дворцѣ, когда царю Родаману принесли чудесную свирѣль.

И лишь только разгнѣванный царь Родаманъ отшвырнулъ отъ себя свирѣль, какъ добрая фея подхватила ее и помчалась съ нею прочь.

Быстро примчалась она къ своему роскошному замку, стоявшему на вершинѣ горы.

Ни одинъ царь земной не имѣлъ такого великолѣпнаго замка, ни одинъ дворецъ не сіялъ такой красотой и чистотой, какъ замокъ феи добра.

Онъ весь былъ построенъ изъ чистѣйшаго хрусталя.

Онъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, какъ самая чистая ключевая вода, и сверкалъ на солнцѣ, какъ огромный, небывало большой бриллиантъ.

Всѣ предметы во дворцѣ феи были сдѣланы тоже изъ чистѣйшаго хрусталя, а подушки и покрывала на креслахъ и диванахъ были сдѣланы изъ самаго чистаго и нѣжнаго пуха.

Воздухъ въ замкѣ и вокругъ него былъ напоенъ дивнымъ ароматомъ, а вокругъ замка разстилался роскошный коверъ изъ живыхъ, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

Кругомъ все было такъ красиво и прекрасно, такъ чисто и свѣтло, какъ могло быть только у феи добра.

Вотъ, въ этомъ-то хрустальномъ замкѣ, прозрачномъ и чистомъ, среди неувядающихъ цвѣтовъ и вѣчнаго аромата, на прозрачномъ хрустальномъ столѣ положила фея волшебную свирѣль.

III.

Свирѣпъ былъ царь Родаманъ.

Его черствое сердце не знало пощады, и въ его царствѣ было такъ тяжело жить, что многіе изъ его подданныхъ убѣгали въ чужіе края, боясь за свою жизнь.

Ничто не могло смягчить суроваго Родамана, который находилъ удовольствіе въ казняхъ и разныхъ притѣсненіяхъ близкихъ къ себѣ людей.

А эти близкіе люди, въ свою очередь, всячески мучили другихъ, и въ царствѣ Родамана стоялъ стонъ и плачь.

Родаманъ былъ не только золь, но и завистливъ.

Часто, безъ всякаго повода, онъ дѣлалъ набѣги на сосѣднія, болѣе слабыя царства.

Тамъ онъ разорялъ города и села, набиралъ плѣнныхъ, выжигалъ цѣлыя деревни и, только вдоволь насладившись своею расправой, возвращался домой.

Тутъ онъ продавалъ плѣнныхъ въ рабство.

Бѣдныхъ, плѣнныхъ людей заковывали въ тяжелыя цѣпи и заставляли всю жизнь работать на другихъ, а въ награду за это ихъ били плетями и палками.

Далеко-далеко знали люди про Родамана.

Не даромъ, старыя няни и бабушки пугали дѣтей его именемъ.

И когда ребенокъ начиналъ шалить или переставалъ слушаться, старухи обыкновенно говорили:

— Охъ, смотри, Родаманъ придетъ.

Даже и птицы, и звѣри знали Родамана.

Поэтому звѣри старались держаться подальше, въ лѣсной чащѣ, а птицы старались не залетать въ его столицу.

И вотъ, однажды, въ царствѣ Родамана, въ одномъ изъ маленькихъ городковъ у бѣдной учительницы, жившей съ мужемъ на краю города, родился сынъ.

Это былъ хорошенькій голубоглазый мальчикъ съ мягкими и свѣтлыми, какъ ленъ волосами.

Родители назвали его Даромъ.

Хорошенькій Даръ росъ, окруженный любовью и лаской, и съ каждымъ днемъ все хорошѣлъ и хорошѣлъ.

Его шелковые волосики съ теченіемъ времени выросли и превратились въ мягкія волнистыя кудри, которыя мягкими прядями спадали ему на плечи.

Во всемъ городѣ не было мальчика красивѣе Дара.

Не даромъ на него приходили полюбоваться жители города.

Проходили годы, а Даръ все подрасталъ и подрасталъ, наконецъ, превратился въ десятилѣтняго мальчика.

По мѣрѣ того, какъ росъ Даръ, онъ все больше выказывалъ свой характеръ.

У него была такая нѣжная душа, что онъ не только слушалъ своихъ родителей, но рѣшительно никогда не причинялъ никому огорченій.

Напротивъ, чѣмъ больше подрасталъ онъ, тѣмъ больше любовью проникался къ людямъ.

Онъ не могъ равнодушно видѣть чужого горя и страданія и каждый разъ горько плакалъ, когда ему приходилось видѣть страданія другихъ.

Онъ любилъ не только людей, но и животныхъ и птицъ, и его сердце, полное любви, одинаково ласково было ко всѣмъ.

Птицы и звѣри тоже чувствовали это и не боялись его.

Когда Даръ выходилъ погулять въ чистое поле, сѣрые зайцы, бѣлые кролики, пушистыя лисички и другіе звѣрьки довѣрчиво подбѣгали къ нему, окружали его, и онъ ласково могъ гладить ихъ пушистыя спинки.

Когда онъ выходилъ во дворъ, къ нему на плечи слетали голуби и воробьи, и онъ разговаривалъ съ ними и всячески ласкалъ ихъ.

Однимъ чудеснымъ свойствомъ наградила Дара Богъ.

Даръ понималъ не только человѣческую рѣчь, но и языкъ звѣрей и птицъ, понималъ то, что тихо шепчутъ между собою листья деревьевъ, что говорятъ другъ другу травинки, что рассказываютъ на небѣ яркія звѣздочки, о чемъ спорятъ между собою маленькіе муравьи.

Не было на землѣ такихъ звуковъ, которыхъ не понималъ бы Даръ.

Чѣмъ больше росъ мальчикъ, тѣмъ больше понималъ онъ всѣ эти звуки.

Чѣмъ больше понималъ онъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ему самому.

Чѣмъ яснѣе становились ему эти звуки, тѣмъ больше чужихъ страданій видѣлъ онъ, и поэтому тѣмъ больше страдалъ самъ.

И люди за его добрую душу прозвали его Кристальнымъ Сердцемъ.

Чиста была душа у Дара-Кристалльное Сердце.

Очень хотѣлось ему помочь людямъ, но не зналъ онъ только, какъ это сдѣлать.

Но вотъ, однажды, когда Даръ превратился уже въ стройнаго юношу, онъ пришелъ къ своимъ отцу и матери и сказалъ:

— Милые родители, тѣсно стало мнѣ въ нашемъ домикѣ и хочу я уйти на просторъ. Хочется мнѣ погулять по свѣту. Можетъ быть, жизнь покажетъ мнѣ и научить меня, какъ помочь бѣднымъ и страдающимъ людямъ.

Какъ ни уговаривали его родители, онъ настоялъ на своемъ и вотъ, однажды, взявъ съ собою небольшую котомку, Даръ вышелъ изъ родительскаго дома.

Поплакали, поплакали послѣ его ухода отецъ съ матерью, но понемногу успокоились, а Даръ вышелъ изъ города и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Долго шелъ онъ полемъ, а затѣмъ лѣсомъ.

Иногда ему навстрѣчу попадались дикіе звѣри, но онъ безбоязненно проходилъ мимо нихъ, а дикіе звѣри, пораженные его семѣлостью, не рѣшались коснуться его.

Долго шелъ Даръ, пока, наконецъ, не вышелъ на прекрасную лѣсную поляну, покрытую высокой мягкой травой, среди которой пестрѣли разноцвѣтные цвѣты.

Даръ сѣлъ на сочную траву, радостно поглядывая на лѣсъ и цвѣты, прислушиваясь къ тѣмъ звукамъ, которые доносились до него.

Надъ нимъ сіяло роскошное солнце.

Оно грѣло и ласкало его своими лучами, обливало яркимъ блескомъ деревья и поляну.

— Ахъ, какъ чудна и прекрасна жизнь, — шептали деревья.

— И мы поемъ гимнъ солнцу, — стрекотали въ травѣ кузнечики.

— А вотъ мы не видимъ солнца. Нашъ удѣлъ только трудиться, — тихо шепталъ на землѣ слѣпой муравей.

— Бѣдный муравушка, ты дѣйствительно не видишь солнца, — ласково проговорилъ Даръ.

И снова онъ сталъ думать свою прежнюю думу.

Онъ думать о томъ, что было бы хорошо обласкать всѣхъ.

Стайка хорошенькихъ птичекъ, веселыхъ и звонкихъ, вдругъ сѣла около него.

— Птички небесныя, научите меня, что мнѣ дѣлать, — сказалъ имъ Даръ.

Одна изъ птичекъ доверчиво подлетѣла къ нему, сѣла къ нему на плечо и заговорила съ нимъ на своемъ птичьемъ языкѣ.

— Найди, Даръ, волшебную свирѣль, и тогда ты будешь знать, что тебѣ дѣлать.

— Волшебную свирѣль?—спросилъ Даръ.— Но гдѣ же я ее найду?

— Я знаю, гдѣ она лежитъ, — сказала птичка.

— Гдѣ же?—спросилъ Даръ.

— Она лежитъ у феи добра, въ ея прозрачномъ, хрустальномъ дворцѣ, и если ты сумѣешь добратся до него, она отдастъ тебѣ эту свирѣль, потому что у тебя кристальная душа.

— Но какъ я найду дворецъ феи добра?—спросилъ Даръ.

— Чтобы дойти до этого дворца, тебѣ нужно будетъ идти прямой дорогой. Тяжелъ и дологъ будетъ этотъ путь и тебѣ придется преодолѣть много препятствій. Но помни объ одномъ, если ты свернешь съ прямого пути, ты никогда не найдешь дворца феи и никогда не найдешь волшебную свирѣль.

Сказавъ это, птичка слетѣла съ плеча Дара и, весело вспорхнувъ на воздухъ, вмѣстѣ со своими подругами улетѣла въ лѣсъ.

Задумался Даръ.

И вдругъ ему страшно захотѣлось найти ту волшебную свирѣль, про которую ему только что рассказала птичка.

Подумалъ онъ еще немного и рѣшилъ тотчасъ же идти ее разыскивать.

Даръ всталъ, перекинулъ черезъ плечо свою котомку и пошелъ впередъ.

IV.

Долго шель Даръ.

Онъ шель все прямо и прямо, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, держась разъ намѣченного направленія.

Но вотъ, наконецъ, глубокой оврагъ пресѣкъ ему путь. Остановился Даръ и сталъ осматриваться.

Чтобы не измѣнить направленіе, приходилось спускаться по страшной крутизнѣ и снова карабкаться на противоположный крутой берегъ.

А между тѣмъ оврагъ можно было перейти по очень удобной дорогѣ, если бы только Даръ захотѣлъ свернуть немного въ сторону.

Но Даръ вспомнилъ предостереженіе птички, и храбро спустился по крутизнѣ.

Онъ выбивался изъ силъ, испарапалъ себѣ руки, но все же благополучно перебрался черезъ оврагъ и, выйдя на его противоположный берегъ, снова пошелъ по прежнему направленію.

Такъ шель онъ нѣсколько дней, пока, наконецъ, не дошелъ до широкой рѣки.

Тутъ Даръ замѣтилъ, что черезъ рѣку есть мостъ, но только для того, чтобы перейти рѣку по этому мосту, ему надо было свернуть немного вправо.

Широка была рѣка и мутны были ея волны.

Грозно рокогали онѣ, желая напугать Дара и предостерегая его отъ опасности.

— Не рискуй, Даръ, довѣряться намъ,—шептали волны.—Мы можемъ поглотить тебя навсегда. Не лучше ли будетъ тебѣ прямо перейти черезъ мостъ. Путь по мосту безопасенъ. Смотри, всѣ люди идутъ и ѣдутъ по этому мосту.

Но снова вспомнилъ Даръ предостереженіе птички.

И онъ отвѣтилъ волнамъ:

— Нѣтъ, мутныя волны, я не послушаю васъ. Зачѣмъ мнѣ жизнь, если я не смогу достать ту волшебную свирѣль, которой я такъ хочу обладать.

Съ этими словами Даръ храбро вошелъ въ рѣку и поплылъ по прямому направленію.

Трудно было плыть через рѣку.

Отчаянно боролся Даръ съ волнами, которыя нѣсколько разъ чуть-чуть не захлеснули его, но все же по-

слѣ немовѣрныхъ усилій онъ выбрался на противоположный берегъ.

И снова пустился онъ въ путь.

Часто встрѣчалъ онъ на своемъ пути людей и многія изъ нихъ дивились на него и смѣялись надъ нимъ, замѣчая, что Даръ не обходитъ препятствій и все идетъ прямо и прямо.

Нѣкоторые называли его безумнымъ, другіе старались убѣдить его въ томъ, что онъ дѣлаетъ большую глупость.

Но Даръ не обращалъ вниманія ни на насмѣшки, ни на увѣщанія и все продолжалъ идти прямо и прямо, ни на шагъ не сворачивая въ сторону.

Дни тянулись за днями, а дорогѣ, казалось, не предвидѣлось конца.

Но, вотъ, наконецъ, Даръ дошелъ до высокой горы, покрытой дикими скалами и острыми камнями.

Конечно, Даръ легко могъ бы обойти эту гору, такъ какъ видѣлъ, что перебраться черезъ нее по прямому направленію гораздо труднѣе, чѣмъ переплыть рѣку.

Но снова вспомнилъ онъ предостереженіе птички.

Сердце его сжалось.

Неужели же онъ долженъ потерять волшебную свирѣль.

— Безумецъ, — сказала ему гора. — Что хочешь ты дѣлать? Ни одинъ человѣкъ не отваживался переходить черезъ меня.

— Я иду къ феѣ добра за волшебной свирѣлью, — отвѣтилъ Даръ. — И если я пойду другимъ путемъ, я никогда не найду свирѣли.

Съ этими словами Даръ храбро пустился въ путь.

Съ страшными усиліями карабкался онъ по крутизнамъ, поминутно рискуя жизнью, изрѣдка перепрыгивая черезъ страшныя пропасти, зіявшія подъ его ногами.

Обувь его изорвалась и острые камни рѣзали ему ступни, руки его покрылись кровавыми царапинами, но онъ не обращалъ ни на что вниманія, храбро продолжая свой путь.

Нѣсколько дней продолжалось мучительное путешествіе.

По ночамъ онъ засыпалъ на голыхъ камняхъ.

Онъ питался скудною пищею, которая еще оставалась у него въ котомкѣ, отказывая себѣ въ лишнемъ кускѣ.

Но, наконецъ, весь измученный, истерзанный и окровавленный, онъ добрался до вершины горы.

И вдругъ чудо совершилось съ нимъ.

Даръ вдругъ замѣтилъ, что лишь только онъ вступилъ на вершину горы, какъ всѣ его раны моментально исчезли.

И передъ нимъ во всей своей сказочной красотѣ предсталъ сверкающій, хрустальный замокъ феи добра.

Вся сіяя, какъ солнце, нѣжная и прекрасная, въ золототканыхъ прозрачныхъ одеждахъ, фея добра вышла къ нему навстрѣчу.

И Даръ упалъ передъ нею на колѣни.

А она, все такая же свѣтлая и лучезарная, тихо протянула ему волшебную свирѣль, и Даръ услышалъ ея мягкій и чарующій, похожій на дуновеніе легкаго вѣтерка, нѣжный голосъ:

— Бери, Даръ, и владѣй ею. Ты совершилъ великій подвигъ и только тебѣ, съ твоею кристальной душой, тебѣ понимающему рѣчь звѣрей и птицъ и шопоть природы, я отдаю эту волшебную свирѣль.

Даръ взялъ дрожащими руками волшебную свирѣль и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

И въ ту же минуту въ воздухѣ раздались мягкіе чарующіе звуки волшебной свирѣли.

Тихо, словно растаявъ въ воздухѣ, исчезли вдругъ и волшебный замокъ и фея.

Даръ оглянулся.

И тутъ онъ замѣтилъ, что крутая гора совершенно исчезла, и теперь онъ стоялъ на широкомъ просторномъ полѣ, покрытомъ пышною травой и цвѣтами.

И прижимая къ своему сердцу волшебную свирѣль, Даръ пошелъ обратно.

V.

Злой разбойникъ Рында не зналъ пощады.

Вотъ и теперь, какъ и много уже разъ раньше, онъ вышелъ на большую дорогу, отточивъ свой острый ножъ.

Онъ спрятался въ придорожныхъ кустахъ и долго

ждалъ какую-нибудь жертву, когда мимо него вдругъ прошелъ возвращавшійся въ село мужикъ.

Злой разбойникъ уже набросился на него и занесъ надъ нимъ свой ножъ, готовясь убить его, а затѣмъ ограбить.

Уже затрепетала бѣдная жертва и приготовилась къ смерти, уже въ ужасѣ закрылъ мужикъ глаза, какъ вдругъ въ воздухѣ раздались дивные звуки волшебной свирѣли.

Это пѣла волшебная свирѣль Дара.

Ея мягкіе чарующіе звуки властно неслись по воздуху, не зная преградъ.

Могучими волнами они неслись по всему свѣту, проникали повсюду одинаково, были слышны въ самыхъ большихъ городахъ и въ захолустныхъ трущобахъ, съ одинаковой силой врывались въ роскошные дворцы царей и въ лачуги бѣдняковъ.

И весь міръ жадно прислушивался къ нимъ.

Сильнѣе начинали дрожать отъ нихъ сердца, сильнѣе бурлила кровь.

Весь міръ поднялъ головы и съ затаеннымъ дыханіемъ слушалъ теперь властные звуки волшебной свирѣли.

А они все неслись и пѣли, пѣли безъ конца, захватывая все больше и больше весь міръ.

И міръ дрожалъ и трепеталъ передъ ними.

Черезъ широкіе океаны, черезъ моря и бездны неслись они неудержимыми волнами, возносились къ небесамъ, и таяли въ звѣздномъ пространствѣ.

И яркія звѣзды притихли на безоблачномъ небѣ и молча слушали неслыханные до сихъ поръ звуки и привѣтливо мигали Дару.

Серебряный мѣсяцъ тоже вышелъ на небо, чтобы послушать волшебную музыку.

Чѣмъ громче игралъ Даръ, тѣмъ выше поднимался онъ по небу.

А волшебная свирѣль все пѣла и пѣла.

Она пѣла о безпредѣльной любви, о счастьѣ.

Она рассказывала міру о правдѣ и добрѣ, она говорила ему о прелестяхъ жизни.

Она рассказывала міру о нѣжной любви матери къ ребенку, о справедливости, о томъ, какъ счастливъ долженъ быть тотъ, кто обладаетъ чистой совѣстью.

Она пѣла о красотѣ мірозданія и о его величїи, она пѣла о Богѣ, создавшемъ міръ.

Она умоляла людей не обижать другъ друга, она молила о томъ, чтобы люди научились понимать другъ друга, страдать о несчастїи другихъ.

Она пѣла о счастьѣ въ правдѣ, о величїи въ справедливости, о чистой любви и ея свѣтозарности.

И міръ безмолвно слушалъ эту пѣснь, пораженный, взволнованный.

Безсильно опустилась рука свирѣпаго разбойника и небывалыми еще досихъ поръ слезами наполнились глаза его.

Могучими волнами неслись звуки дивной свирѣли въ столицу грознаго царя Родамана.

Дрогнула рука палача, только что собиравшагося отсѣчь голову осужденному на смертную казнь, и въ его черствомъ сердце вдругъ зазвучали новыя незнакомыя ему струны.

Тихо опустился мечъ.

Дивныя чарующіе звуки проникли въ камеру судьи, который въ эту минуту былъ готовъ произнести неправильный приговоръ надъ человѣкомъ, съ которымъ имѣлъ личные счеты.

Они проникли въ его мозгъ и заставили по совѣсти разобрать дѣло.

Властно проникли звуки волшебной свирѣли въ домъ пьяницы, который въ это время неистово истязалъ свою жену.

И они освѣтили его мозгъ, встрепенули его сердце и заставили выпустить изъ своихъ рукъ жертву.

Не взирая ни на какую стражу, проникли звуки волшебной свирѣли и во дворецъ грознаго царя Родамана.

И грозный владыка, не вѣря своимъ ушамъ, вдругъ сталъ прислушиваться къ нимъ.

Онъ хотѣлъ не слышать ихъ, отогнать ихъ, но властные звуки побѣдили его.

Они проникли въ его мозгъ и сердце, наполнили его душу, и онъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

И съ этими слезами звуки волшебной свирѣли изгнали изъ него всю злобу и ненависть.

И съ этой минуты сердце грознаго царя Родамана вдругъ наполнилось новыми, невѣдомыми для него чувствами.

А звуки все лились и лились, все больше и больше охватывали и побѣждали міръ.

Все сильнѣе и сильнѣе игралъ Даръ.

Звѣри и птицы, лѣса и поля жадно слушали чарующіе звуки волшебной свирѣли, и звуки эти впитывались всюду, куда только ни доходили.

— Откуда эти звуки? Кто этотъ человѣкъ, который издалъ ихъ?—изумленно спрашивали другъ друга люди.

Но долго никто не могъ понять, откуда раздается волшебная игра.

И тщетно искали люди Дара.

А Даръ все ходилъ по полямъ и лѣсамъ, по городамъ и селамъ, и неумолчно раздавалась его музыка.

Лишь только кончалась одна пѣсня, какъ волшебная свирѣль принималась пѣть другую, и снова надъ землею неслись вдохновенные чарующіе звуки.

А Даръ все игралъ.

И чѣмъ дальше игралъ онъ, тѣмъ звуки волшебной свирѣли становились все громче и громче.

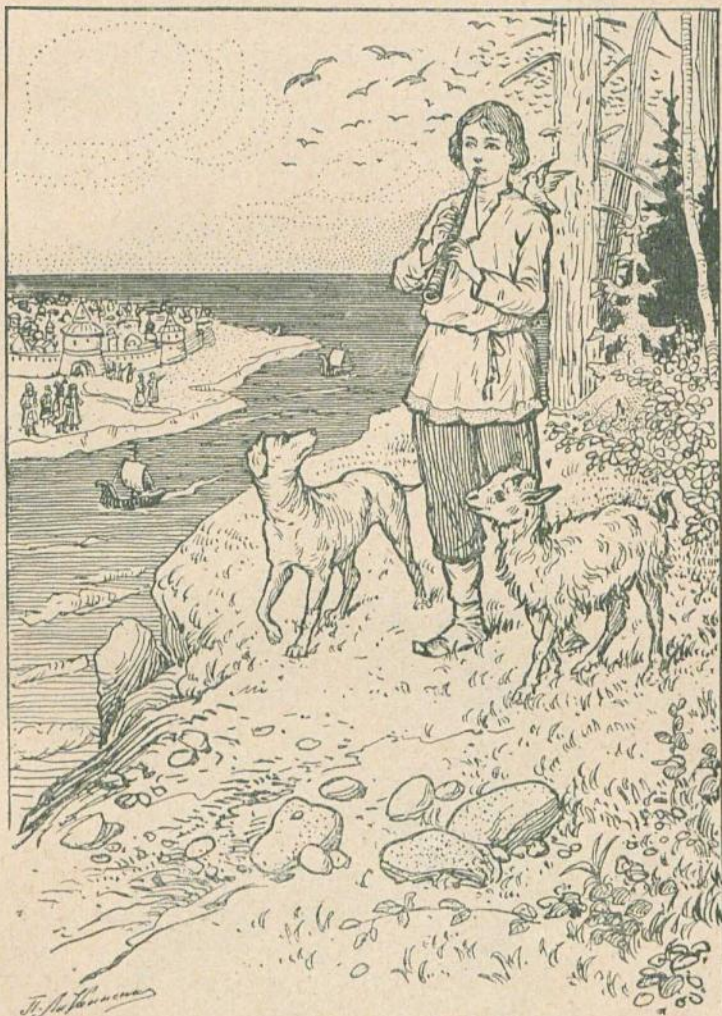
А чѣмъ громче становились они, тѣмъ властнѣе и могучѣе врывались они въ сердца людей.

Ни горы, ни долины, ни крѣпкія ограды, ни желѣзные рѣшетки, ни бой барабановъ, ни шумъ битвы не могли остановить и заглушить ихъ.

Иногда люди загорались желаніемъ заглушить ихъ, и тогда они начинали громко шумѣть, бить въ барабаны, дуть въ трубы и стрѣлять изъ тысячи пушекъ, но звуки волшебной свирѣли побѣждали все, покрывали всякій грохотъ и шумъ.

И, наконецъ, они стали властвовать надъ міромъ.

И все злое мало-по-малу начало склонять передъ ними голову.

И, наконецъ, люди узнали того, кто извлекалъ эти звуки и въ чьихъ рукахъ была волшебная свирѣль.

Они узнали, что человѣка, который имѣлъ въ рукахъ эту дивную свирѣль, звали Даромъ.

Съ удивленіемъ смотрѣли они на него, дивясь тому,

что видятъ передъ собою такого же, какъ и они, чело-
вѣка.

Многіе изъ людей пробовали брать въ руки волшеб-
ную свирѣль и Даръ охотно подавалъ имъ ее.

Но въ ихъ рукахъ волшебная свирѣль звучала иначе,
и звуки становились то болѣе, то менѣе рѣзкими, смотря
оттого, кто бралъ въ руки свирѣль.

И только въ рукахъ Дара они звучали вдохновенно
и прекрасно.

И называли люди Дара—поэтомъ.

А звуки его волшебной свирѣли—поэзіей.

